

Москва-Канск-Москва 1971, 3/II

В ПЕРЕУЛКЕ НА ОСТОЖЕНКЕ

Для театра имени Ваганова этот год — юбилейный. Талантливому коллективу исполняется полвека. Одна из предстоящих премьер юбилейного года — новая пьеса драматурга Александра Гладкова, автора широко известной героической комедии «Давным-давно».

Мы попросили Александра Гладкова рассказать о своей новой работе.

— Сюжет моей новой пьесы «Молодость театра» — это история создания одного театра, вернее, история создания того спектакля, с которым этот театр родился в самом начале двадцатых годов. Группа героев пьесы — создателей спектакля — проходит через разные стадии: через энтузиазм и увлечение, усталость и разочарование, измены и угрозу распада, через испытания жертвами и нищетой — и театр рождается...

Меня уже давно зани-

мала мысль: почему такой великолепный и благодарный материал, как процесс становления советского театра, еще не стал основой для сценического художественного произведения (впрочем, в прозе он тоже почти не использован). А между тем, что может быть увлекательнее и поучительнее, чем история одного из молодых театральных коллективов («студий») на рубеже эпох военного коммунизма и нэпа, на фоне почти фантастического быта Москвы того времени. Сколько здесь подлинного неподдельного романтизма, удивительных примеров человеческого роста и самоопределения: сколько бурь, жертв, труда, терпения, вдохновения; сколько больших драм и маленьких комедий. Из числа актеров и режиссеров, пришедших в искусство в первые годы революции, вероятно, нет ни одного, кто не прошел через «студийную юность». И кто из нас не заслуши-

вался рассказами наших учителей об их славной молодости?

Суровой зимой 1920 года в одном из переулков на Остоженке начинается действие пьесы, заканчивается оно весной 1922 года. Эта датировка не условна и не приблизительна: за ней конкретная историческая действительность. В те годы быт Москвы и всей страны менялся стремительно и резко, и эти изменения не проходили бесследно для маленькой кучки влюбленных в театр молодых энтузиастов, несмотря на разные препятствия, репетировавших свой спектакль. В некоторых героях пьесы, может быть, угадываются черты реальных прототипов, но я не ставил себе задачей историческую портретность. Она обеднила бы и сковала мой замысел. Правильнее сказать, что в пьесе все исторично, хотя в ней свободно скомпонован тот материал, который мы

знаем из мемуаров и устных преданий.

Все персонажи вымышлены. Но мне хотелось бы, чтобы за пределами сюжета чувствовалось, что где-то рядом существуют и великий гигант Станиславский и фантастический Мейерхольд, что в Политехническом гремит бронзовый бас Маяковского и в кафе поэтов читает «Пугачева» Сергей Есенин.

Студийцы тех лет — это вовсе не мальчики и девочки, подобные тем, кто учится в театральных школах в наши дни. В составе студий того времени были перемешаны зеленые юнцы с людьми, уже прошедшими большой жизненный путь: вчерашние гимназисты — с участниками революции и гражданской войны. Отчасти это похоже на студенческие кадры наших институтов во второй половине сороковых годов. В широком смысле — это все молодежь, но отнюдь не однолетки-ровесники.

Если сконцентрировать тему пьесы до одной фразы, то это — пьеса о воспитании.